

Сборник рассказов

Всё зачеркнуть
И всё начать сначала

Валерий
Столпынин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

**Всё зачеркнуть. И
всё начать сначала**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Столыпин В.

Всё зачеркнуть. И всё начать сначала / В. Столыпин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Жизнь - увлекательное путешествие, но лишь в том случае, если тебе интересен сам процесс, а не ожидание вечного счастья, не глобальная цель и не смысл таинства существования. Правильно это или нет, не случается, когда влюбляются и любят не потому что, а вопреки: логике, рассудку, убеждениям, выгоде, фактам. Включается нечто внутри или снаружи, замыкает цепь и держит под напряжением. Где обитает любовь, как мы ей заражаемся, как долго будем болеть - науке неизвестно. Ибо это таинство, мистика. Нам кажется, что решение и выбор всегда за нами. Увы, нет. Природа и время - вот истинные инициаторы большинства процессов на Планете Земля. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Не женись! Или – мама была права	5
Потому, что идёт дождь...	9
Гигиена чувств	14
Пусть прошлое останется в прошлом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Столыпин

Всё зачеркнуть. И всё начать сначала

Не женись! Или – мама была права

Все мы узнаём со временем, что жизнь не сказка, что после фразы “и стали они жить поживать да добра наживать” или “и жили они долго и счастливо” начинается нечто иное, в просторечье называемое брак.

Странное слово, не правда ли, но ведь наверняка не случайное.

Витька Максимов женился совсем недавно. Молодую, страстно любимую супругу, Вику, он буквально боготворил.

Девочка очаровала парня застенчивостью, сдержанностью и скромностью, А ещё невестомой лёгкостью и кошачьей грацией.

Поначалу, даже когда расписались и стали жить вместе, Витька дотронуться до своей принцессы боялся, такими тонкими были её прелестные пальчики, хрупкими руки и плечи, прозрачной фарфоровая кожа.

Первое прикосновение к ладошке избранницы, тогда, на танцевальной вечеринке, пронзило Витьку разрядом неведомой энергии, которая подействовала на него подобно активатору сердечного ритма.

С первой встречи с девочкой с ним происходило что-то странное. Юноша потерял сон, аппетит, боялся встретиться с Викой взглядом не в силах его отвести от прекрасного кукольного личика с ангельской улыбкой.

Он следил за девочкой издалека, потому, что боялся подойти ближе.

Девушка была божественно хороша.

Чем именно поразила его рыжеволосая чаровница мальчишка не смог бы ответить. Наверно всем сразу.

Витьке казалось, что в ней нет изъянов, одни достоинства.

Каждый следующий день добавлял юноше отчаяния и страсти. Не заметить его влюблённости было невозможно.

И вот они вместе.

Знаете, что такое незабываемое впечатление? Витька теперь знает. На всю жизнь запомнил, но так и не понял, что сделал не так.

Месяц назад случилось ему на работе премию получить.

Так себе премия, копеечная, но неожиданно, потому обрадовался парень такому событию.

В голове новоиспечённого супруга бурным потоком пронеслась лавина позитивных мыслей.

Сами понимаете: когда самостоятельная жизнь только начинается, когда в кармане, как говорится, вошь на аркане, когда всё-всё нужно и ничегошеньки нет, выбрать из столь обширного списка приоритетное приобретение довольно сложно.

К тому же романтика. Любовь, она такая, такая...

Влюблённый мужчина не способен думать головой, потому, что его пылающее страстью сердце предполагает необходимость подвига во имя любимой.

“...В звоне каждого дня, как я счастлив, что нет мне покоя! Есть любовь у меня, жизнь, ты знаешь, что это такое...” – с пафосом напевал Витька, прокручивая неожиданно свалившиеся на него материальные возможности.

Премиальные рубли жгли руки. Желание удивить и обрадовать любимую переполняли радостным предвкушением. Витька старался взять себя в руки, сосредоточиться на реальности, но мечты уносили всё дальше от реальности.

Он наслаждался предполагаемой реакцией супруги, когда он...

Тогда она...

Перед мысленным взором проносились события и эмоции: удивительный романтический вечер, страстная ночь... много ночей...

Вика будет смотреть на него с нескрываемым огнём желания.

Потом...

Главное не прогадать, определиться с выбором самого лучшего на свете сюрприза.

Премия внеплановая, о ней никто ничего не знал, значит можно употребить её как угодно. Хочется сделать незабываемый подарок любимой, чтобы запомнила его расположение, его щедрость, его чувства и пламенную страсть надолго, лучше навсегда.

Мысли неслись по буеракам, перепрыгивали с одного неожиданного решения на другое.

Можно купить духи, шарфик, набор трусиков.

Или вот то цветастое платье.

Вот беда, он же размер не знает. Туфельки или кофточка по этой же причине отпадают.

Может быть, колечко или цепочку с кулоном?

Как же трудно сделать выбор, когда он ограничен величиной ресурса и обилием необходимого.

Лучше, наверно, заскочить на рынок за экзотическими фруктами из Абхазии. Нет, нужно потратиться с умом...

Бутылочка хорошего вина, мясные или рыбные деликатесы в кооперативном магазине, красивый торт. Получится сумасшедший праздничный ужин!

Потом любовь и всё такое...

Да-да-да! Именно так, не иначе.

От предвкушения эффекта Витька присвистнул. В голове пронеслись цветные кадры восхищённой Викиной реакции. Он видел, как девочка с распостёртыми руками несётся к нему вприпрыжку в радостной эйфории, как сходу запрыгивает на него с ликующим визгом.

Вот она обнимает его, виснет, обхватив ногами за талию. И целует, целует...

Дальше видения стали совсем нескромными. Их даже описывать стыдно. Такое можно только наедине.

Неожиданно он услышал в открытом окне на первом этаже песню в исполнении Пугачёвой про миллион алых роз.

Эротические призраки и вожеление мигом испарились, забив гвоздём в голову внезапно возникшее решение.

Как же он раньше не догадался? Цветы, розы. Бордовые или алые. Много-много. На всю премию. Ми-лли-он!!!

Это будет незабываемый фейерверк эмоций. Вика просто с ума сойдёт от счастья.

– Любимая, Викулечка, это тебе, родная, – протянул Витька двумя руками шикарный букетище.

Жена посмотрела на Витьку как-то странно, чересчур внимательно и напряжённо, вытерла мокрые руки о фартук, она в это время что-то ополаскивала в раковине, рывком, даже не села, а плюхнулась на табуретку.

– Это что-о-о!

– Разве ты не видишь, родная, это моя безграничная любовь к тебе.

– По какому поводу?

– По причине любви. Я так счастлив!

– Не сомневаюсь. И кто она, твоё счастье?

– Конечно ты, кто же ещё?

– Допускаю, нет, сомневаюсь. Деньги откуда, банк ограбил?

– Премия, милая, премия. Я так тебя люблю!

– Так! Тебя мама не учила, что семья – это я плюс я, а не ты плюс ты? Ты бы ещё водки на всю премию купил. А чё, напьемся и умрём молодые. Нафига, скажи на милость, нужна мне такая жизнь и такой муж, у которого вместо головы тыква?

– Думал тебя обрадовать, сюрприз...

– То, что под вторым номером, удалось. Я в шо-ке! Получается, что вышла замуж за реального валенка. Ну почему жизнь только и делает, что преподносит неприятности? Я теперь только так и буду тебя называть – Витька сюрприз.

Вика смахнула с реснички слезинку, отвернулась и запела каким-то мокрым вибрирующим голосом, – я иду к тебе с приветом, я несу тебе цветы, как единственной на свете... А ведь мог трусики купить. Или платье. Сегодня на ужин будет борщ из миллиона алых роз. Будем надеяться, что еда из сюрприза, это очень вкусно.

Удивительная штука – жизнь: надеешься обрести счастье на всю жизнь, идёшь к нему “через тернии к звёздам”, стремишься, стараешься изо всех сил, а оно всё дальше от тебя и дальше.

Судьба смеётся над тобой, ломает, издевается...

Думаете смешно? Ничуть.

Это был первый, но не последний конфликт в их нелёгкой семейной жизни. Как позже Витька понял – самый безобидный. Оказалось, что семейная жизнь – не пикник и не праздник, скорее бег с препятствиями по пересечённой местности.

Потому, что идёт дождь...

Женька влюбился. Правда, понял это не сразу. Слишком уж неожиданно всё случилось.

Был замечательный летний день, один из тех, когда хочется побыть одному: бродить просто так по зелёным тенистым аллеям, смотреть, как рассыпаются искры от солнечного лучика в воде пруда, слушать перекличку мелких птах, кормить с рук лебедей и уток, мечтать.

Ему было хорошо и спокойно. Жизнь казалась прекрасным приключением. У Женьки всё-всё получалось, что бы ни задумал. Далёко он не заглядывал, но точно знал, чего хочет, чем будет заниматься завтра, что осенью будет студентом.

Будущее соблазняло и манило чарующими взрослыми перспективами. Теперь школа – обыкновенное прошлое, о котором можно вспоминать с некоторой долей романтического тумана.

Юноша на минутку присел на скамейку в городском парке, съесть мороженое, чтобы не испачкать костюм. Рядом оказалась девчонка-пигалица в платьице абрикосового цвета.

Женька на неё вначале даже внимания не обратил: сидит и сидит, какое ему до неё дело.

А она носом хлопает и всхлипывает, да так громко.

Хотел было на другую скамейку пересесть, да куда там: глянул на неё и сходу провалился в совсем другую реальность. Сам не понял, что произошло.

Предметы и люди вокруг как бы остановились, расплылись в мареве, превратились в яркие мелькающие пятна. Зато девочку и её действия было видно исключительно чётко.

Малышка сотрясалась от всхлипов всем телом, зажимала ладонью рот. Платочек, которым девочка промокала слёзы. Был пропитан солёной влагой насквозь.

Женьке нестерпимо захотелось её успокоить.

Сначала он сбегал за мороженым. На всякий случай купил сразу две Лакомки. Сам-то Женька фруктовое ел, дешёвое, кисленькое. Оно ему нравилось. Брал обычно два – одним не наедался.

Неожиданно для себя Женька расщедрился.

Отчего его так тронули девичьи слёзы, он не задумывался. Так иногда случается, когда о ногу вдруг потрётся бездомный котёнок, с надеждой заглядывая в глаза.

Когда Женьке хорошо – все вокруг должны быть счастливы.

И нечего слёзы лить. В таком возрасте, а малышке было никак не больше семнадцати, вообще горевать не о чем: молодость полноводным потоком струится, пробивая всё на своем пути. Мелкие неприятности не в счет – их всегда достаточно, но они быстротечны.

– Девушка, не плачьте, смотрите, как прекрасна жизнь: день солнечный, вокруг всё удивительно яркое, люди нарядные. Неужели у такой милой прелестницы может случиться беда? Не верю. Вот вам мороженое. Давайте есть вместе.

Девочка, не глядя, приняла дар, развернула, не переставая всхлипывать, сотрясаясь тщедушным тельцем, откусила огромный кусок, заморозив моментально горло, которое свело холодной судорогой и вызвало новый, еще более водянистый приступ плача.

– Он ко мне не вернется!

– Кто он, мальчишка, друг? Да и чёрт с ним. Значит, не любит.

– Хорошо рассуждать, когда от вас никто не уходит.

– Давай в кино пойдём, я приглашаю. Посмотрим что-нибудь весёлое, отвлекающее и забудем про страшного, бросившего вас на произвол судьбы негодяя. Он не стоит ваших слёз, нисколечко. По дороге расскажете, кто и почему не вернется. Наверняка это не повод обливаться слезами, разводиться сыростью. Посмотрите на себя в зеркало – да вам же тридцать лет можно дать, не меньше.

– Враки! Я красивая.

– Могу на что угодно поспорить, сейчас – нет. Вот если успокоитесь, тогда я может быть поверю... что вам... Пятнадцать, шестнадцать?

– Ещё нет. Осенью день рождения.

– Пригласишь? А я тебя в кино. Хочешь ещё мороженое? Я курьером подрабатываю, вчера зарплату получил, могу позволить себе что угодно... В разумных пределах. Соглашайся!

Накал страстей медленно пошёл на убыль. Девочка была совсем не против того, чтобы её успокаивали, даже позволила немного поухаживать.

Теперь у Женьки появилась возможность разглядеть подружку внимательно. Что-то же зацепило его.

Глаза увидеть не получалось – девочка старательно их прятала. Особенности сторбленной рыданиями фигуры скрываясь за неловкой напряжённой позой. На виду были лишь угловатые коленки, выглядывающие из-под платяца, тонюсенькие пальчики и длинные бархатистые волосы цвета гречишного мёда.

Ушки с малюсенькими золотыми серёжками, в которых светились бирюзовые камешки, привели Женьку в восторг.

Наверно камешки под цвет глаз, предположил Женя. Девчонки любят всё продуманное, но за туманом слёз цвет глаз не определяется.

Именно в таком заплаканном виде она ему и понравилась. В обиженном, слегка припухшем лице чувствовалась эмоциональная и духовная чистота, граничащая с детской непосредственностью.

Разве могут у ребенка с такой ангельской внешностью быть неразрешимые сердечные проблемы? Да она сама для себя пока загадка. Придумала непонятно чего, и страдает от собственных же иллюзий и грёз.

Наверняка это детская влюблённость, романтические мечты о сказочном принце.

Первая любовь. Женька вспомнил, как целый год не давал прохода Анне Сергеевне, учительнице литературы, как невыносимо страдал, как ревновал её ко всему и всем.

Через год туман рассеялся, влюблённость куда-то исчезла. Почти бесследно. Больше Женька никогда не влюблялся. Зачем, если это чувство не приносит ничего хорошего?

Для девчонок любая привязанность и вовсе безразмерна. Они такие чувствительные, такие ранимые. Мелькнувшую случайно надежду на счастье считают единственной и последней в жизни радугой.

Иначе они не могут. Женька это точно знает. От мамки. И парней таких тоже знает: есть у него товарищи, для которых влюбить и бросить девчонку – что-то вроде спорта.

Они могут часами рассказывать, как обвели вокруг пальца очередную подружку, как ловко уложили её в постель. Им достаточно краткой стремительной победы, ценность которой в неотвратимости триумфа и увлекательной новизне приключения.

Таким мальчишкам невдомёк насколько унижительно для их подружек узнать, что ими воспользовались как игрушкой. Эти ребята смакуют и коллекционируют любовниц, не вникая в их внутренний мир, не испытывая угрызений совести, избегая ответственности и настоящих глубоких чувств.

Женька и сам знаком с изнанкой этого прискорбного явления. В своё время, будучи чуть старше этой девочки, Женина мама тоже нарвалась на любителя сладкого, убежавшего от ответственности при первых признаках её беременности.

Такой стиль поведения для него в принципе неприемлем. У его детей обязательно будут папа и мама. Уж ему ли не знать как это обидно – не иметь отца, когда у всех прочих, живущих с ним рядом, папа есть.

Мама так больше и не вышла замуж, всю жизнь посвятила единственному сыночку.

Хорошо ещё, что друзья не издевались над ним по этому поводу. Витьке Тихонову одноклассники прохода не дают, дразнят безотцовщиной.

Дети жестоки.

Женя более устойчив психически, но и он страдает от отсутствия родителя.

Девушка тем временем начала успокаиваться, вытерла лицо влажной салфеткой, намазала губки блеском, высушила глазки, оказавшиеся, как Женя и думал, бирюзовыми, превратившись из невзрачного утёнка в почти настоящую лебедь.

– Меня Женя зовут.

– А меня Виктория. Виктория Сергеевна Сапрыкина, Вика. У нас в деревне все Сапрыкины. Но мы оттуда давно уехали, теперь здесь живём.

– Рассказывай, хвастайся, как докатилась до жизни такой.

– До какой? Собственно, рассказывать-то особенно нечего. Познакомились мы недели три назад у подружки. Юра был такой... так романтично ухаживал, так интересно рассуждал, столько всего... на танцы меня водил, букеты покупал. Даже в кафе один раз ходили. Стихи читал, истории весёлые рассказывал. Гуляли вечерами, целовались... три раза. Я так влюбилась... безумно, до беспамьятства. Юра на десять минут опаздывал – переживаю, плачу. Ночами не спала, представляла по секундочкам каждую встречу. Вчера вечером к себе домой позвал, а у меня мама строгая, папа вообще. Я отказалась. Юра кричал, сказал, что времени мне до завтра, то есть до сегодня подумать. Если нет, то он больше не придёт. А как же я без него? Я ведь его люблю. Может согласиться? Я ведь понимаю, чего ему нужно.

– Вот дурёха. Влюблённому и в голову не придёт условия ставить. Мальчишки так девочек к себе привязывают, потом верёвки из них вьют. Молодец, что отказалась. Умница. Забудь про него, идём в кино.

– Не хочу в кино... давай лучше ещё мороженого... и забыть его не могу. Люблю! Сейчас опять зареву. Он знаешь какой... он...

– В том и дело, что знаю: негодай он. Мерзавец и манипулятор.

– Зачем ты так. Ведь ты его совсем не знаешь. Он хороший.

– Почему мы сейчас говорим о нём? Его здесь нет. Он тебя предал. Незачем его вспоминать.

– Сердце... или что там внутри, болит, не даёт забыть его ни на минуту. Я чувствую присутствие Юры каждой клеточкой тела. Он разбудил во мне настоящую любовь, это так здорово...

– Глупышка! Что ты знаешь про любовь, особенно про её взрослую часть? Ты девочка, научись для начала жить в теле девушки. Развивай ум, способности, чувствительность. Представь себе, что твоя мама сразу после школы вдруг стала бабушкой. Нелепость. Уверяю тебя – то, что произошло между вами, не любовь, влюблённость. Я через это прошёл, немного знаю. Это не одно и то же. Ты ждала любви, мечтала о ней, именно поэтому приняла одно за другое. Твои переживания рождены ожиданиями, а не чувствами. Помучаешься, переживёшь свою первую влюблённость, выздоровеешь – тогда и настоящая любовь может случиться. Пошли есть мороженое. Гулять, так гулять.

– Я уже расхотела. Давай где-нибудь в тишине посидим.

– На пруду. Там утки, лебеди плавают. И скамейки. Тебе хочется выговориться или помолчать?

– Даже не знаю... Плакать хочется. Кричать, головой о пол биться, наглотаться таблеток, чтобы... Хочется побыть одной, залезть в темноту, перестать дышать, думать, но одной страшно. Мысли какие-то ужасные: жалят, кусают, душу вынимают, терзают. Наверно я ненормальная. Всё равно я его люблю! Люблю, люблю, люблю!!!

– А он, он тебя любит?

– Да! Он мне стихи читал, целовал. И глаза... глаза ведь обманывать не умеют?

– Не знаю. Когда фильмы смотришь, веришь глазам и действиям актёра? А ведь они притворяются, врут, лицедействуют. Почему бы и Юре твоему... впрочем, время покажет. Не

торопись делать выводы. Ошибаются все: кто однажды, другие каждый раз. Мне бы не хотелось, чтобы ты совершила роковую ошибку.

– Ведь я для тебя совсем чужая, случайная прохожая. Пожалел, да, как брошенного щенка, как бездомную кошечку? А может ты сам такой.

– Да ладно. Мы вон уже сколько знакомы. Я привыкать к тебе начал. Ты славная девушка, только немного наивная. Но мне это нравится: значит, врать не умеешь, выкручиваться, лицемерить. Терпеть не могу, когда пожимают руку, доверительно хлопают по плечу, а сами думают что с тебя поиметь можно и как использовать. Самое важное для меня в жизни – чувствовать искренность.

За разговором ребята зашли в магазин, купили батон белого хлеба – для лебедей, и пошли на пруд.

Вика говорила, говорила, говорила, изливая душу, Женька кивал и внимательно слушал, вглядываясь в её бирюзовые глаза, которые девочка уже не прятала.

Женьке тоже было о чём рассказать, но он не мешал Вике изливать душу. Пусть выговорится, освободится от застрявших где-то в глубине переживаний.

Когда выплеснешь пульсирующую где-то в глубине души боль – становится легче.

Вика говорила и говорила. Временами её лучистые глаза вновь наливались порцией мокрых эмоций, с которыми без сожаления расставалось её растревоженное сомнениями и обманутыми чувствами тело.

Когда с последней слезой закончились слова, это была уже совсем другая девочка. Женька тоже изменился.

Он был безумно влюблён. Первый в жизни раз и сразу по-настоящему.

Какое же это счастье!

Ребята долго бродили по городу, теперь уже держась за руки. Говорить больше не хотелось. За день с ними столько всего произошло. События и чувства не умещались в голове. Их надо было понять и осмыслить.

Он думал и думал: о диалоге, о том, как поступит Вика, о том, как поступить ему, о том, что на самом деле произошло.

У Женьки кружилась голова, мысли путались. Тревога и беспокойство не давали на что-либо, кроме мыслей о Вике, переключиться.

Он сидел на широком подоконнике, смотрел в одну точку, куда-то в ускользящую даль. Неожиданно заволкло тучами небо, ветер пригибал к земле, немилосердно раскачивал кроны и стволы деревьев, потом хлынул стеной дождь.

На Женьку навалилась грусть вперемешку с романтическими переживаниями, надеждами и мечтами. Он нарисовал себе иллюзию, в которой Вика, его Вика... они были вместе...

Наконец Женька решил позвонить (при расставании они обменялись номерами телефонов).

Просто так.

Только для того, чтобы убедиться лишний раз – Вика не мираж, не сон, что она живая, что она...

А что, если и Вика в эту минуту думает о нём, а если ей плохо, если...

– Это Юра – слишком эмоционально, потому обидно спросила девушка.

– Здравствуй, Вика. Это Женя. Мы с тобой сегодня...

– Что-то случилось? Мы ведь только недавно расстались.

– Нет, ничего... просто идёт дождь, просто я думаю о тебе, просто ты... ты такая...

– Идёт. Стало грустно, и ты вспомнил обо мне... или испугался, что я... что мне... ты правда за меня переживаешь? А Юра так и не позвонил. Не понимаю, не знаю, что мне теперь делать с этой любовью.

– Я сейчас смотрю в окно. Там, внизу, рябина. Вижу размытый силуэт бирюзового цвета в штриховке дождя, совсем как твои бездонные глаза. Как там, думаю, моя девочка, наверно ей скучно и одиноко...

– Моя?

– Представляешь, Виктория, я влюбился...

– В кого, если не секрет?

– Можешь даже не гадать – в тебя. Ты самая лучшая девочка на этой Планете. Милая, застенчивая, чувствительная. А на улице идет дождь... я подумал, что тебе одиноко и страшно...

Вика притихла. Слышно было лишь её напряжённое дыхание.

– Жень, давай завтра встретимся и поговорим. Я Юру люблю, я тебе ничего не обещала. Мы просто гуляли. Если хочешь – давай дружить... иногда...

– Это не имеет значения. Я всё равно счастлив. Ты даже не представляешь как. От того, что идёт дождь, оттого, что где-то далеко есть ты, оттого, что слышу твой голос, оттого... ты любишь дождь?

– Не думала об этом. Иногда люблю, порой нет. Зависит от настроения.

– Наверно у всех так. Значит у меня сейчас самое солнечное настроение. И это всё ты. Любимая!

– Жень, давай завтра об этом поговорим. Ладно?

– И послезавтра тоже. И через неделю, и через год... Я хочу говорить с тобой всегда и обо всём. Хочу видеть, слышать, дышать одним с тобой воздухом... потому, что идёт дождь, потому что случайно тебя встретил, потому что безумно влюбился. В тебя влюбился, Вика... Ты самая прекрасная находка моей жизни, Виктория Сергеевна Сапрыкина!

– Мне пора спать. Пока, Жень.

– Буду ждать, когда наступит утро, чтобы вновь услышать твой голос. Буду ждать, когда ты услышишь, как бьётся моё сердце. Буду ждать...

Гигиена чувств

В квартире у Лёшки Мухина на музыкальные посиделки собирался почти весь бывший класс, несмотря на то, что судьба разбросала одноклассников в разные стороны. Большинство ребят жили рядом, даже в школу пришли из одной группы детского сада.

Встречались ребята часто, дружно отстаивали коллективные интересы, вместе проводили довольно много времени.

Лёшка и Маша Соболева – неразлучные друзья ещё с младшей детсадовской группы. Друзья умели прощать, подстраиваться друг к другу, даже если текущая ситуация сильно не нравилась одному из них.

Маша и Лёша старались не вмешиваться в личные дела и отношения, которые, естественно, имели место. Жизнь, сама по себе мобильна и чрезвычайно подвижна.

Сегодня у тебя одни интересы, а завтра просыпаешься совсем другим. Сложно представить себя однажды сформированным и застывшим, словно карандашный набросок, нарисованный не особенно твёрдой рукой.

Развитие их немного странных отношений происходило, причём довольно стремительно.

В этом устоявшемся тандеме Машенька была двигателем, правда излишне форсированным, с моментальным износом, Лёша – корпусом.

Девушка фонтанировала идеями и эмоциями, которые во многом зависели от её сиюминутного настроения.

Внешне Маша была похожа на хрупкий стебелёк, увлечённый сражением со стихией, который раскачивается из стороны в сторону, прогибаясь иногда под немислимым углом, чтобы не сломаться, но не сдаётся.

Ей всё было интересно. Зачастую любопытство и равнодушие, сострадание и симпатии решали судьбу следующего её шага, а там, куда кривая выведет. Остановить это броуновское движение было практически невозможно. Никому, кроме Лёши.

Он умел посмотреть ей ласково в глаза, погладить по головке, прижать к себе и предъявить если не аргумент, то довод, позволяющий вспомнить, что существуют тормоза и почему ими нужно воспользоваться именно сейчас.

Машка всегда пыталась возражать, громко возмущалась, но слегка остыв, приходила к выводу, что в этом что-то есть. Во всяком случае, повод задуматься.

Тогда её мысли моментально набирали обороты, разлетались на сотни маленьких чертёнят, начинающих жить каждая по себе и увлекали в новые авантюры, в которых головокружительные подъёмы и спуски гарантировали массу приключений. Не всегда безобидных. Это было увлекательно и интересно, а больше ей ничего, до поры, не было нужно.

Чаще всего спонтанные маршруты приводили Машу к разочарованиям и эмоциональным ломкам. Такой уж характер. Ничего не поделаешь. Молодость – пора обучения на собственных ошибках.

Родителей Маша любила, но не очень с ними ладила, потому, что имела обыкновение выносить собственные суждения, основанные на принципах юношеского максимализма.

Лёша, по натуре человек довольно замкнутый, интроверт, сосредоточенный на внутренних переживаниях, что, однако, не мешает ему быть душой компании, не умеет дружить сразу со многими. Поддерживать приятельские отношения, да, но без взаимных обязательств. Маши, это не касалось. Она была его единственным настоящим другом.

Он замечательно играет на гитаре, очень чувствителен к интонациям и звукам, любит петь баллады и лирические произведения, которые знает во множестве.

Именно поэтому у него дома, так получилось, что в свои девятнадцать лет он живёт в собственной однокомнатной квартире, чуть ли не каждый вечер собираются многочисленные друзья.

В выходной день он садится на приступок балкона с внутренней стороны комнаты, все прочие, стоя и сидя вокруг, где найдут место, и поёт, подолгу терзая гитарные струны.

Девчонки плачут, то и дело просят сыграть что-либо наиболее чувствительное, выдавливающее слезу.

Девятнадцать лет – возраст любви и страстей, которые дарят, увы, не только радости. Грустить, когда вся жизнь впереди, но именно ты за ней не поспеваешь, кажется естественным и нормальным.

Томка Соколова уже замуж выскочить успела, а Леночка Головина так ни разу и не влюбилась по-настоящему. А жизнь-то проходит стороной, как сверкающий бал, только ты на него не попал. А как хочется всё и сразу.

"У беды глаза зелёные, не простят, не пощадят. С головой иду склонённою, виноватый прячу взгляд. В поле ласковое выйду я и заплачу над собой. Кто же боль такую выдумал, и за что мне эта боль..." – поёт Лёшка, закрыв глаза, а слушатели подстраивают свои чувства под этот эмоциональный аккорд, переживают вместе, даже вместо героя баллады.

Голос у исполнителя проникновенный, преисполнен сострадания и грусти. Девочки вытирают платочками слёзы, прижимаются друг к другу.

Сентиментальный возраст. Кто в девятнадцать лет не грезит о романтических чувствах? А у многих хватает своих авантюрных увлечений, закручивающих сценарии хлеще чем в Санта Барбаре.

– Спой ещё. Ну, пожалуйста!

Лёшка не отказывает – поёт.

Сегодня Маша не пришла. У неё очередная головокружительная любовь. Вот уже месяца полтора девочка сходит с ума от нахлынувших лавиной чувств.

Лёшка переживает: как бы глупостей не наделала. Но ведь он не отец, всего лишь друг.

Его песни сегодня не такие, как обычно. В них неразделённая любовь, страдания по упущенным возможностям, сожаления о не случившемся и утерянном. Таких песен в его репертуаре много, но раньше их было меньше.

Неожиданно в квартиру ворвалась Маша, растерянная, но решительная.

– Мне нужно с тобой поговорить, это срочно.

– Присаживайся, Машико. Я же не один, погоди. Куда так спешишь? Погоди, сейчас допою...

Ребята сразу засобирались. Время позднее, а вид у Машки довольно растёрзанный. Никто ведь толком не знает, что у них за отношения. Вроде как с Ромкой девушка гуляет, а каждый день, после свидания к Лёшке спешит.

Кто их разберёт. С подругами своими переживаниями Машка не делится, а с ним...

Маша бежит на кухню, ставит чайник для отвода глаз.

Ужасно хочется заплакать, но она делает усилие над собой, не позволяя до поры расслабиться. Тем не менее, глаза наливаются влагой, а порывистые жесты свидетельствуют о её возбуждённом состоянии.

Ребята прощаются поцелуйчиками, с некоторых пор такие действия вошли в обиход, пытаются шутить, а Маша прячет от всех покрасневшие глаза.

Скорее бы все ушли.

В воздухе повисло облако напряжения, точнее сгусток неконтролируемой энергии, готовый вот-вот разрядиться. Никому не хочется очутиться в эпицентре скандала.

Желание и дальше купаться в океане романтических эмоций навеянных голосом и звуками было, но даже любопытство пасует перед сигналами бедствия, посылаемыми девушкой.

Разошлись быстро.

Маша расплакалась, дав волю иступлённым переживаниям.

Лёша, нервно перебирая струны, молчит. Без слов понятно Машкино состояние. Не в его правилах лезть с расспросами. Если есть, что сказать, откроется сама.

– Я в душ, ладно? Не хочу, чтобы ты меня такую страшную видел. Дай халат.

– Машеут, дружище, ты же знаешь, что в этом доме нет такого рода аксессуаров. Манеры мне не свойственны. В шкафу лежат рубашки. С твоим ростом они будут выглядеть пеньюарами. Выбирай любую, мойся, сколько влезет. Мой дом – твой дом. Что тебе спеть?

– Беду.

– Три раза. Сегодня девчонки заказывали её три раза. Неужели вам так хочется чувствовать боль и слёзы? Давай лучше спою не менее грустную балладу, но с позитивным вектором. Хорошая песня. Думаю, ты ещё не слышала. “Я скучаю по тебе, как апостол по святым мукам. Я скучаю по тебе, вот какая штука. Казалось бы, ну что скучать, считается полезным, недельку друг от друга отдохнуть. И я всё пробую начать жить логикой железной, но в логику любовь никак не запихнуть...”

– Лёшик, – слезливо прошептала Маша, – ты пой, пожалуйста, не обращай внимания на мою взбудораженность. Я тебе всё-всё расскажу, только немного успокоюсь, приду в себя. Можно я дверь в ванную закрывать не буду, чтобы слышать твой голос? Он меня успокаивает. Ты единственный меня понимаешь.

– Расслабься, девочка. Поддайся очарованию мелодии. Жизнь прекрасна. Для того чтобы это понять в полной мере нужно просто не прятаться от неё. Так хочется быть кому-то нужным, необходимым... “Я скучаю по тебе, как подранок по своей стае. Я скучаю по тебе, вот ведь как бывает. Я скучаю по тебе...”

– Машико, девочка моя, ты когда-нибудь скучала по мне?

– Ладно, это я так, шучу... Не слушай, иногда меня заносит, тянет сказать глупость, особенно если у тебя неприятности или плохое настроение. Ты там не замыслась? Вся комната уже в тумане. Покажи дяде своё умытое личико, но только без следов сырости. Скажи, что у тебя всё хорошо.

Маша вошла в комнату в обволакивающем облаке пара, совершенно нагая. Лишь на голове был свит тюрбан из полотенца.

Руками девочка застенчиво прикрывала грудь и низ живота, желая, однако, чтобы Лёша увидел по возможности всё. Такая вот авантюрная задумка, спонтанный выплеск эмоций с единственной целью – отомстить предавшему первую настоящую любовь Ромке.

На Машином лице слились в единое целое одновременно небывалая решительность и крайняя растерянность. Она сама не ожидала от себя такой смелости.

Решение было принято спонтанно, чтобы реализовать и утилизировать обиду, унижение и некую долю брезгливости к предателю.

Лёша, подавив внезапное замешательство и недоумение по поводу нелепого поступка подруги, опустил глаза, не прекращая, однако играть на гитаре, – у тебя проблемы, Машико? Кажется, ты забыла надеть рубашку.

– Я хочу, чтобы ты был моим первым мужчиной.

– Не дури, сама потом жалеть будешь о своём неразумном поступке. Извини, Машка, но друзей не е**т. Не хотел выражаться столь откровенно, но иначе тебя не привести в чувство. Потерять в твоём лице друга я не хочу. К чему меня соблазнять? Я ведь обычный мужчина с нормально развитыми потребностями самца. Если ты сейчас не прекратишь дефилировать передо мной в таком откровенно эротическом виде, во мне может победить основной инстинкт. Чувствами не разбрасываются. Их нужно воспитывать и экономить. Рассказывай, что случилось. И давай наши отношения оставим в том виде, что были до того, как ты начала играть во взрослую женщину. Договорились?

– Мне уже девятнадцать. Имею право сама распоряжаться своим телом, как захочу. Я не интересна тебе как женщина? Впрочем, зачем я тебе всю эту чушь несу? Ты всегда был настоящим другом. Только не нужно меня жалеть. Просто сделай меня женщиной и всё. Не хочу и не могу доверить свою девственность никому, кроме тебя, потому, что кругом одни предатели.

– Не выдумывай. У тебя есть любимый, поделись целомудренностью с ним. Пойми, у каждого есть интимные зоны сугубо индивидуального пользования. Представь себе, что я попросил у тебя зубную щётку, почистил ей зубы, заодно навёл блеск на ботинки и вернул тебе... Что ты с ней сделаешь? То-то и оно – выбросишь. А ты хочешь точно так же распорядиться своей непорочностью, которая даётся лишь однажды. Не ищущай, ни себя, ни меня.

– Значит, я для тебя, вроде зубной щётки, расходный материал?

– Ты для меня самый близкий и дорогой человек, Машенька. Не имею права ломать твою судьбу лишь из-за того, что стоит и хочется, а тебе без разницы в данную секунду, как распорядиться своей девственностью, словно с жизнью прощаешься. И потом... почему вы, женщины, так заботитесь о целомудренности физической, возводя её на пьедестал, забывая о непорочности духовной? Разве плоть, лишённая гимена не способна хранить чистоту? Оденься сейчас же и рассказывай, что стряслось. Если хочешь, конечно...

– Не просто хочу, у меня всё внутри бурлит и клокочет. Ромка оказался прохвостом, кобелём, бабником. Он, видите ли, одолжение мне делает, что спит с другими девчонками, чтобы жениться на девственнице. Вот как!

– Стоит ли делать столь поспешные выводы? Завтра вы помиритесь, будешь сожалеть о своих словах. Разве не ты говорила о большой любви?

– Ромка говорил, что любит меня. Со мной такое впервые творилось, сам видел. Да и сейчас... Мне ведь никто раньше не говорил о любви. Что я о ней знала? Словно ключиком меня завёл, как заводную мышку. У меня игрушка такая была. Накручиваешь пружинку и отпускаешь, а она несётся как угорелая и мордой в стенку, если на пути попадается препятствие. Я сейчас себя такой мышкой чувствую. Хлоп и разбилась. Не насмерть конечно. Вот я и хочу избавиться от той ценности, ради которой он меня так гадко бережёт. Всё ты правильно сказал... Ромка... своей зубной щёткой... всех девок перечистить хочет, а потом, когда наиграется вдоволь, мне даст попользоваться. Забавно, да!

– А если это нелепые слухи?

– Как же, ага! Мы с ним гуляли, о будущем мечтали. Ромка мне про любовь... А там мороженое продавали. Он и предложил. Когда расплачивался, из кошелька квадратик выпал. Я же шустрая, ты знаешь, нагнулась и подняла, а там резинка. Презерватив. И в кошельке ещё несколько.

– Да сейчас почти у каждого мальчишки с собой эти штуки есть.

– И у тебя?

– Мне-то зачем?

– Вот и я подумала, зачем? И спросила. А он в глаза мне смотрит и говорит, – это, мол, средство гигиены. Кругом СПИД, гепатит и прочие интимные опасности. Это, конечно, я понимаю, но ему-то они зачем, эти самые средства защиты? От кого? Мы ведь ещё не настолько близки, чтобы ложиться в постель. Поцелуи и прогулки при Луне не в счёт. Вот тогда он и начал преподносить мне свою доморощенную теорию, согласно которой жена обязательно должна быть девственницей. А муж, спрашиваю я? Он и высказался, что целомудренность мужчины природой не предусмотрена. Мол, воздержание для них, для вас, то есть, может привести к необратимым последствиям для физического здоровья. Значит, он нагуляется до свадьбы, а я, невеста, должна себя блюсти, чтобы церемониал ритуальный выдержать. Ну а как же девочки, с которыми он предполагает своё здоровье экономить, ведь они тоже чьи-то невесты будут? Закавыка. А это, оказывается, их личное дело. Он не пастырь, чтобы их нравственность блюсти.

– Может быть он теоретик. Откуда тебе знать, что он поступает так, как губами шлёпает?

– Сам признался. Ну, не совсем сам. Начала я вспоминать, с кем он до меня был, прямо в лоб спросила, спал ли он с Леночкой, с Викой, с Кариной. Это нужно было видеть, как он плевался и орал, словно индюк, что все бабы одним миром мазаны, что взамен признаний в любви готовы похотливые ножки перед кем угодно в стороны развести. Мол, ни одна ещё перед его мужским обаянием не устояла. Ага! Так и сказал. Как ты думаешь, Лёша, практик он или теоретик?

– Ну, и чего ты так расстроилась? У вас же ещё ничего не было, как ты говоришь? Это же замечательно. Можно сказать счастливый случай. А если бы ты не захотела мороженого, а он не достал кошелёк и его кобелизм открылся тебе после свадьбы, или вообще, когда ребёночка сделали? У меня в холодильнике лежит бутылочка сухого вина. Называется “Свадебное”. Давай выпьем за глупость, которую ты по счастливой случайности не совершила. Я так рад за тебя, Машка, просто не представляешь. Жизнь вообще штука жестокая, построена на эгоизме. Ты же сама теперь понимаешь, что это не любовь была, влюблённость, фантазия. Так чувствительные девичьи ушки на красивые фразы реагировать настроены.

– А как тогда распознать, что есть что? Любовь, дружба, предательство, измена, эгоизм?

– Дружба, я так понимаю, это духовное родство. Оно тоже в какой-то мере эгоистично, но когда цели совпадают, когда люди способны добровольно соблюдать баланс интересов, отдавать больше, чем получать, каждый имеет в итоге больше, чем вносит. К сожалению вечной дружбы не бывает. Люди развиваются с разной скоростью. А любовь... любовь, это полное родство, слияние. И душой, и телом, и мыслями, и целями. Любовь между мужчиной и женщиной без телесного единения невысказана.

– Лёша, а ты кого-нибудь любил? Ну, так, чтобы крышу до основания сдувало, как у меня?

– Да любовь ли это была, Машутка? То гипноз был. Если всё, что говоришь, правда, выходит, что Ромка твой опытный манипулятор. Теперь это называется пикапер, специалист в области быстрого секса. Знаешь, в любой профессии есть мастера, а есть ремесленники. Настоящий виртуоз к каждой мелочи подходит творчески, доводя процесс до совершенства, а бездарность норовит вершки собрать, которые без его усилий выросли. Для него не важно, что в грязи постоянно копаются. Как тут без средств гигиены, когда по уши в дерьме? Он не девчонка боится – себя. Полюбишь ещё, Машутка, какие твои годы. Что касается меня, я однолюб. Наверно свою судьбу пока не встретил, серьёзных чувств ни к кому не испытывал.

– А я? Меня ты смог бы полюбить?

– Машка, опять за своё? Не идёт тебе роль искусительницы. Тебя саму пока голыми руками брать можно, стоит только заклинание из трёх слов произнести.

– Да? И какое же?

– Например, я тебя люблю...

– Так произнеси...

– Вот ведь упрямая. Я человек меланхоличный, монотонный, для тебя малопривлекательный. Со мной быстро заскучаешь. Ты шустрая, а я увалень, сосредоточенный на внутренних переживаниях. Если непременно хочешь девственности лишиться, купи фаллоимитатор. Ему всё равно, кого любить.

– Дурак! Сколько лет мы с тобой дружим, шестнадцать? До сих пор не затосковали. Ты же сам про заклинание сказал, я тебя за язык не тянула. А вдруг сработает?

– Это теоретически. Практика намного сложнее. Не могу я воспринимать тебя как сексуальный объект. Но и другая девчонка мне не нужна.

– Раз другая не нужна... значит я, я нужна, ты это хотел сказать?

– Ты, Машико... ты как песня – для души. Не представляю, как жить буду, когда ты замуж выскочишь. Ни один муж не позволит тебе с мужчиной дружбу водить. Я об этом часто думаю. Наверно придётся уехать отсюда, чтобы такие перемены пережить.

– Погоди, Лёшик, погоди... с чего ты решил, что я замуж собираюсь?

– Все девчонки, все... обязательно семью хотят... и детишек. Так природа распорядилась. Не тебе, Машка, естественному ходу жизни перечить. Ты влюбчивая, эмоциональная, красивая... пальцем только помани. Любой за тобой хвостиком побежит. За Ромку же замуж собиралась... скажешь, нет?

– Дура была. Ты мне глаза открыл, я и задумалась. Помани, Лёшенька, слова ласковые скажи. Что же мы с тобой, так всю жизнь и будем глазки друг другу строить? Поцелуй меня, что ли для начала...

– Не шути так, Машка, прошу тебя. С чувствами играть грешно. Знаешь же, что сестрёнка моя вены себе резала... из-за такого же Ромы, между прочим. Только звали его иначе – Вася. И где тот Вася? А нет ему никакого дела до её любви. Ему инструмент любимый присутствовать нужно было, чтобы не иссох. И всё. Получил необходимую порцию адреналина и отвалил искать следующую дурочку, или дырочку, чтобы насадить на тот же крючок с наживкой "я тебя люблю". И ведь не остаются эти рыбаки без улова.

– Даже не думала играть с тобой в рыбака и рыбку. Ты надёжный.

– Нет такой профессии. Костыль тоже надёжный, только никто его в женихи не желает взять. А сама что скажешь – любишь меня?

– Врать не буду, не разобралась. Я теперь ни на один твой вопрос с уверенностью ответить не могу. Одно знаю – нужен ты мне. Пропаду без тебя, это точно. А любить... можно ведь научиться, как думаешь?

– Не знаю. Наверно да, если желание обоюдное.

– Давай попробуем. Мы ведь ничем не рискуем. Я тебе доверяю, полностью. Поцелуешь?

– Не сейчас, Машутка, не сейчас. Думать нужно. Как бы не ошибиться... не мне – тебе девочка. Обидно будет сменять часы на трусы. Что в часах без трусов, что наоборот – сплошные неудобства и неприятности. Слишком всё это серьёзно. Можно, я подумаю?

– Тогда проводи. Я тоже думать буду, только дома, чтобы тебя рядом не было, а то под твоим взглядом плыву. Можно я тебя поцелую? Один разочек.

– Валяй, Машико! Подруженька моя, когда же ты успела вырасти? Целоваться ей подавай, женщиной быть захотелось. Ну и дела...

Друзья слились в неловком, но страстном поцелуе. У Лёши это действительно в первый раз. Он и не предполагал, насколько это сладкое блюдо.

Так бывает.

Пусть прошлое останется в прошлом

В автобусе была давка. Сесть, как назло не удалось. Полина уже жалела о том, что залезла. Ведь ей спешить, по сути, было некуда – мама отпустила погулять до следующего кормления Вадика, а это почти четыре часа.

Ей такая прогулка казалась праздником жизни. Семь месяцев адского труда. Двести с лишним дней Полина не выпускала из рук своё болезненное чадо. Сын родился недоношенный, слабый, всё время плакал.

Самыми трудными были первые месяцы. Полина тогда совсем не спала. Она жила в каком-то странном – расплывающемся, как воздух в мареве знойного полдня, висящем над перегретым асфальтом, не совсем реальном мире.

Вадик кричал постоянно. Женщина привыкла к пронзительным звукам его голоса, практически не слышала их.

Из мутного морока, в котором она пребывала большую часть суток, её выводили лишь паузы в душераздирающих воплях и импульсы внутреннего таймера, который подавал тревожный сигнал, означающий время кормления, необходимость пеленать, мыть, готовить, стирать, гладить.

Полина жила в автоматическом режиме, практически не задумываясь, ничего не понимая. В нормальном состоянии выдержать такую нагрузку невыносимо.

Усталость валила с ног. Полусонное состояние стало привычным.

Муж постоянно был на работе. Это и понятно – бытовые расходы с рождением Вадика многократно возросли.

Свекровь жила далеко, у мамы ответственная должность, постоянные авралы и проблемы. Ждать помощи неоткуда.

Полина не роптала. Она знала, что такое положение, эта адская нагрузка, циклическая круговерть однообразных занятий и обязанностей, отупляющих мозг, дело временное. Стоит только пережить: год, может быть два. Всё наладится.

Опять будет сиять солнце, петь птицы, люди – улыбаться и радоваться жизни.

Как же было хорошо тогда...

С Ромкой они почти не общались, виделись лишь краткий миг перед сном и несколько условно приятных минут в постели.

Рома старался не утомлять жену сексом. Ей и без того тяжело.

Оба ужасно уставали, отчего приходилось жить в изолированном, отчуждённом мире. Несмотря на ребёнка и мужа Полина чувствовала себя одинокой, брошенной.

Ромка в краткие минуты, когда им удавалось побыть наедине, слиться душой и телом, был заботлив и нежен, трогательно чувствителен, ласков, но закончив ритуальный танец, сразу отворачивался к стенке и моментально засыпал.

Он всегда хотел Полину, только последнее время всё чаще старался гасить страсть, чтобы не утомить, не причинить боль, не вызвать приступ негодования.

Он понимал, насколько Полине непросто, как слаб и хрупок их малыш, что сам бы не выдержал и десятой доли тех титанических усилий, которые приходится прилагать жене ежеминутно, но помогать не спешил.

Мужское восприятие действительности, которое внушила ему мать, не позволяло взять часть женских забот на себя. Ромка боялся, что такими действиями можно избаловать жену, тогда всё в семье пойдёт наперекосяк.

Пусть уж сама справляется, – думал он.

Чтобы не расстраиваться, наблюдая за плавно-медлительными, словно она постоянно под наркозом, действиями Полины, Ромка старался подольше задерживаться на работе или общался с закадычными друзьями.

Он не был плохим мужем. Так его научили жить.

Палина втянулась в порядок семейных церемоний и обязательных действий, приспособилась, примирилась. Другой жизни девочка не знала.

Ромку она любила. Очень любила. Про Вадика и говорить нечего. Эти люди не просто часть её жизни – они и есть сама жизнь.

Полина выдержала. Обращиваться назад совсем не хотелось. А тут мама...

Елизавета Павловна вдруг заинтересовалась внуком, пожалела дочь: пришла рано утром и объявила, что даёт Полине отпуск – хоть на целый день.

Было радостно и одновременно обидно. Семь с лишним месяцев про неё никто не вспоминал.

Ладно, хоть так.

Полина приделась, накрасилась.

Макияж лёг неровно. Оказывается, она всё забыла, кроме Вадика и мужа.

Придётся начинать с азов: сначала учиться дышать свободно, ходить, улыбаться. Со временем она обязательно придёт в себя. Стоит только сделать первый шаг.

С Ромкой они познакомились летом, в парке. Полина кормила лебедей и уток в тенистой заводи. У неё были туфли-лодочки. Подошва оказалась скользкой.

Девочка подошла слишком близко, лебеди были очень доверчивы. Она сама не поняла, как поехала в воду.

Ромка стоял поблизости. Как ему удалось её подхватить...

Впрочем, это неважно.

Дальше было мороженое, прогулка, долгая беседа непонятно о чём.

Им было уютно и весело.

Любовь это была или что иное – не важно.

Эмоции переполняли, чувства зашкаливали.

Спустя всего пару месяцев они поженились.

Потом...

Потом... это то, что происходит сегодня, сейчас.

Полина едет в переполненном автобусе в тот самый парк. Она хочет покормить тех лебедей, посидеть на той самой скамеечке, съесть такое же, как тогда, мороженое.

Там ещё...

Да, там, на берёзе в глубине аллеи Ромка тогда вырезал ножичком...

“Рома + Поля = Любовь”.

Банально, глупо, но очень трогательно.

Час назад, когда неожиданно пришла мама, ей в голову бы не пришло ничего подобное. И вдруг такая сентиментальность.

Полина вспомнила, что есть и другая жизнь. Лучше или хуже – не важно, но, другая, наполненная интересными и разными событиями.

Вадик – прекрасный малыш, Ромка – замечательный муж, но вокруг столько всего заманчивого, интересного, а она про всё это совсем забыла, превратившись если не в зомби, то в бездушную марионетку, которую дёргают за ниточки однообразные бытовые обстоятельства.

У Полины даже мурашки побежали по чувствительной коже толпой от мысли, что она, по сути, отказалась от самой жизни.

Ещё немного и мурашки прокололи бы её тонюсенькую, слишком чувствительную после родов кожу насквозь.

Девушку в салоне автобуса толкали, жамкали, больно наступали на ноги, говорили зря нелепые грубости, а она чувствовала себя счастливой.

Скоро нужная остановка.

Полину захлестнула волна эмоций. Радостные предчувствия опалили сознание, рассыпались яркими искорками, взрывались фейерверками.

Она поспешила к передней двери на выход. Народ нервничал. Её задирали, кричали непристойности, кто-то сзади нагло ощупывал, другие бесцеремонно толкали локтями.

Ну и пусть!

Автобус остановился, открылась дверь. Сзади подтолкнули. Пассажиры посыпались наружу как горох.

Полина подвернула ногу, упала на колени. На неё навалился толстый дядька, смял, как промокашку, уронил на грязный асфальт.

Как же ей было обидно!

До мечты, до пруда, лебедей, берёзы с надписью, до скамейки и мороженого, до вчерашнего счастья оставалось несколько сот метров и такая неприятность.

“Неужели это судьба? Значит, пути назад нет? Но я не хочу жить так, как сейчас, до конца своих дней!”

Эти и десятки других мыслей больно кололи и карябали где-то внутри, то ли в голове, то ли в районе груди.

Полину вдруг подхватили сильные руки, рывком поставили на ноги.

– Полина... Суровцева? Я думал, ты здесь больше не живёшь. Триста лет тебя не видел. Надо же, какая ты стала красотка! Как же тебя угораздило так упасть! Ладно, нет худа без добра. Зато я тебя повстречал. Как же я рад!

– Сёмка, Пантелеев, я бы тебя ни за что не узнала. Повзрослел, возмужал. Извини, мне сейчас не до тебя. Видишь, во что превратилось платье. Придётся на такси домой ехать, а я так хотела покормить лебедей. Целую вечность не выходила из дома.

– Чего так, болеешь?

– С чего ты взял?

– Бледная, прозрачная... Но тебе идёт. Господи, о чём я... ты всегда была самая-самая. Помнишь, Полюшка...

– Семён, извини, видишь, что со мной? На нас все смотрят, словно в кунсткамере на заспиртованный эмбрион. Колени в крови, платье грязное, руки... ещё ты. Так хорошо всё складывалось, такое настроение было... солнечное...

Из глаз Полины потекли слёзы, хотя она старалась их затолкать обратно.

Сёмка обнял её, прижал к себе, – не обращай внимания. Сейчас потеряют интерес. Ты ещё не забыла, что я вон в том доме живу? Теперь полноправный хозяин и совсем один. Родители к бабушке уехали, думаю надолго. скорее всего навсегда. Парализовало бабулю. Жалко, такая замечательная... я так любил к ней на каникулы ездить... да!

Удивительно, но Полине было ужасно приятно, что бывший одноклассник уделил ей внимание, принял деятельное участие в не очень приятном приключении.

Умом Полина понимала, что следует отстраниться, показать, что они уже не дети, ведь она серьёзная замужняя женщина, тем более мама, но что-то внутри сопротивлялось.

От удовольствия Полина прикрыла глаза. Ещё мгновение и она замурлычет, как довольная жизнью кошка.

Наверно именно участия, теплоты, прикосновений девушке так не хватало сегодня, сейчас.

– Пошли ко мне. Постираем и высушим твоё платье, с этим теперь просто: бытовая техника сама всё делает, только кнопки нажимай. Полчаса, час и всё будет готово. Ещё успеешь лебедей покормить. Желания обязательно нужно исполнять, иначе они будут стучаться в мозг, и требовать сатисфакции. Шучу. Ну что, идём? Коленки твои бедненькие вылечим, помоешься. Горячую воду пока не отключили.

– Семён... спасибо, но нет. Я замужем, у меня сын. Это неудобно, неправильно, наконец. И вообще... сам понимаешь... стыдно идти в гости к одинокому мужчине.

– Ты очень удивишься, Суровцева, но я ещё не мужчина. Честное пионерское.

– А разве мне это нужно знать? Нет, я никуда не иду.

– Ладно, сейчас такси поймаю. Только адрес на всякий случай запиши. Мой и свой. Я тебя потом разыщу. Но думаю, будет лучше и правильнее, если домой ты придёшь тихо, незаметно: чистенькая. довольная жизнью. Зачем привлекать лишнее внимание? Ты не подумай, Полинка: все приличия будут соблюдены, тем более, что тобой расставлены все точки над і. Вспомним юность, – “нам жизнь свою не повторить никак. Осталась молодость за гранью где-то. Бывало, – попадали мы в просак... но песня наша до конца не спета. И есть ещё возможность изменить, всё то, что нам не удалось когда-то. И нужно продолжать мечтать и жить, и не корить судьбу, что виновата.”

– Хватит лирики Пантелеев...

– Ладно, уговорил, – неожиданно для себя скороговоркой выдала Полина, – стираем скоренько, пьём чай и расстаёмся друзьями.

– Прощай... и ничего не обещавай... и ничего не говори... а чтоб понять мою печаль, в пустое небо по-смо-три-и... Ты помнишь, плыли в вышине... и вдруг погасли две звезды, но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты... Да... я и ты, Полина Сергеевна Суровцева. Я и ты... были...

– Не ёрничай, Семён. Посмотри, что с моим новеньким платьем. Муж меня убьёт. Он мне его на день рождение сына подарил. Не время сейчас для лирики: нужно спасти подарок.

Шли молча. Семён то и дело оглядывался на Полину, порывался взять её под руку, но не решался. Девушка была слишком напряжена, наэлектризована: того и гляди упрётся и не пойдёт.

– Заходи. У меня тут реальный бардак, творческий, так сказать, беспорядок. Не обращай внимания, для холостяка это норма. Снимай платье...

– Чего... как... какое платье! извини, пожалуй я пойду.

– Что ты ершишься. к каждому слову придираешься? Не ищи скрытых смыслов. Их нет. Вот халат. Великоват, конечно, зато новый. Хочешь – рубашку мою надень. Она длинная, вместо платья сгодится. Или вместе с платьем в стиральную машину полезешь? Чего стесняешься? Расслабься. У моей стиралки функция сушки, потом прогладим и пойдём в парк, к лебедям. Я пока чай организую. Тебе зелёный или чёрный?

– Без разницы. Половину чашки. я с холодной водой пью. И без сахара.

Пока платье крутилось в барабане стиральной машинки, Полина ополоснулась под душем.

Она немного успокоилась, перестала сопротивляться обстоятельствам.

У Семёна было уютно. Она хорошо помнила эту квартиру, много раз справляла здесь его дни рождения, учила уроки, играла.

Потом лечили её разбитые коленки.

Сёмка обрабатывал ссадины, а у Полинки от его прикосновений, хотя здорово жгло и саднило, кружилась голова, где-то внизу становилось жарко и щекотно.

Полинка тайком покрутилась в мужской рубашке перед зеркалом, пока Сёмка накрывал на стол.

Она себе нравилась.

Оглянувшись, удостоверившись, что Семён не видит, Полина радостно подмигнула себе, скорчила несколько раз потешные рожицы.

Ей почему-то было хорошо и спокойно, хотя это не её дом и вообще ситуация больше чем странная.

В Сёмкиной рубашке было непривычно удобно. Мягкая ткань приятно холодила, от неё так здорово пахло чем-то до боли родным: наверно просто показалось... чем-то знакомым, терпким, что вызывало странные ощущения.

У Полины появилось игривое настроение.

– А помнишь, Сёма, – сказала она, зайдя на кухню, где был накрыт стол, – мы с тобой...

– Конечно, помню, Полиночка. Я всё помню. Я тебя всю жизнь буду помнить.

– С чего бы это?

– Да так... потому... потому, что ты самая-самая, только и всего. Ты в этой рубашке такая...

– Не говори, Сёмка, я даже сама себе понравилась. Теперь всегда буду Ромкины рубашки надевать. Так удобно.

– Ты такая красивая. Завидую твоему... Ромка, говоришь? Счастливчик твой Ромка. Наверно на руках тебя носит?

– Не так, чтобы очень. Ему некогда. Работает много. А ты, почему ты холостой?

– Не знаю, наверно всех Полин до меня разобрали.

– Семён, мы же договорились. Постираем и разбежимся. Ты меня настораживаешь, пугаешь. Зря я согласилась сюда прийти.

– Извини. Давай выпускной альбом посмотрим. Ты с кем-нибудь из одноклассников встречаешься?

– Тебе бы моего Вадика – крикуна-непоседу, света белого не вижу. Из дома-то не выхожу. Разве что возле подъезда, с коляской. Нет, ни с кем не виделась. Давно.

– Вот, смотри, это всё в выпускном классе снято. А я много кого вижу.

Семён раскрыл альбом, сел рядом, начал показывать. Полина не понимала, почему вдруг ей стало так интересно. Большая часть снимков есть и у неё. Ничего особенного.

Друзья сидели, тыкали то в одного, то в другого одноклассника пальцами и с интересом, весьма энергично и весело вспоминали, как...

Сёмка стоял за спиной, прижимался всё теснее. Полина не обращала на это внимания, пока...

Пока его рука не легла весомо и дерзко на одну из грудей.

Реакция на это прикосновение была более чем странной – ей невыносимо, причём немедленно захотелось близости.

Полине стало неудобно и стыдно. Она вскочила. Лицо девушки горело, словно от сильного солнечного ожога, сердце рвалось наружу, дыхание спёрло.

Окружающее пространство сжалось, превратилось в плотный сгусток, который начал вращаться и переворачиваться. Её тело зависло внутри подвижной плазмы, которая проникала в самые потайные уголки её неожиданно чувствительного тела.

Полина чувствовала такое...

Девушка хотела лишь одного – чтобы это чудо, это блаженно-пьянящее, дремотно-эйфорическое, невесомо-сладостное состояние никогда не кончалось.

Она ни о чём не думала, ничего не помнила, ничего не хотела, кроме того, что с ней происходило здесь и сейчас.

Откуда-то сверху спустился густой туман, затянул, накрыл с головой...

Ей было слишком хорошо, чтобы быть реальностью.

Неожиданно всё закончилось...

Мимо её рассеянного взгляда медленно проплывали размытые очертания мебели, резко, но очень приятно пахло разгорячённым мужским телом.

Полина нехотя, очень медленно приходила в сознание, как бы раскачиваясь на волнах.

Она лежала на разобранном диване раздетая, в позе морской звезды. Тело всё ещё сотрясали сладкие волны сказочно-сладостного экстаза.

Над ней нависал Сёмка... милый Сёмка.

– Дурачок, что ты со мной сделал, я же замужем, мы же договорились... это неправильно...

Семён обнял её, принялся перецеловывать каждый миллиметр лица. Это было невыносимо приятно: до такой степени, что не было сил терпеть, поэтому она попросила... ещё... ещё раз прогуляться по тому же маршруту.

Полина нестерпимо хотела вновь оказаться там, в вязком сиропе чарующе волнительных эмоций и трепетно-нежных ощущений, имя которым блаженство.

Такого с ней никогда прежде не было.

Наверно так и выглядит настоящее счастье.

Теперь Полина была в полном сознании.

Она понимала, что это предательство, измена, разврат, но остановиться, прекратить наслаждаться жизнью уже не могла.

Ментальное тело девушки разлетелось на мелкие кусочки, у каждого из которых были свои ощущения и своё сознание. Собрать себя воедино, противостоять неизведанным таинственным силам, пусть и греховным, было совсем невозможно.

Полина извивалась под Семёном, стонала, кричала, громко звала на помощь, рвала кожу на его теле ногтями.

Ей это нравилось.

Она хотела, хотела, хотела... ещё и ещё... бесконечно долго хотела чувствовать вибрации экстаза.

Придя в себя, Полина ужаснулась: неожиданно разрыдалась, кусала губы.

Семён её успокаивал, ласкал, прижимал к себе.

– Почему Ромка никогда меня не обнимает, – подумала Полина, – может он и не любит меня вовсе?

Привести себя в порядок было непросто.

Она понимала, что мир вокруг и она сама с этого момента стали другими, что это очень заметно со стороны, что скрыть изменения не получится, как ни старайся.

Они, эти сладостные пороки, отпечатаны на лице, на теле, что падение с высоты в бездонную пропасть порока или взлёт на вершину счастья (кто знает, как к этому отнестись), увидит теперь каждый встречный, стоит только бросить на неё скользящий взгляд .

Молодые люди никак не могли проститься: то и дело кидались в объятия, опять сбрасывали одежды, сливались в подвижный клубок, рассыпались, пытались успокоиться, сосредоточиться, о чём-то договориться...

Мама накормила Вадика смесью. Он спал.

– Что с тобой, дочь? Ты какая-то необычная... светишься вся.

– Давно нигде не была, не гуляла. Это я от свободы опьянела, мамочка.

У Полины было время подумать, обсудить произошедшее событие с внутренним цензором и диспетчером, договориться, обсудить...

Станным образом всё вокруг приобрело иные очертания, другие цвета, запахи, вкусы.

Жизнь попала в фокус, у неё появились чёткие силуэты.

Теперь Полина понимала, что, почему и зачем делает, чего хочет от жизни.

Вадик почему-то вдруг перестал кричать и болеть. Ромка стал вовремя возвращаться с работы, постоянно лез с нежностями.

Полина начала чувствовать его желания, но перестала их разделять. Она поняла, что любовь, та любовь, с которой всё началось, закончилась, что семейная жизнь превратилась в рутину, обыденность, неприятную обязанность.

А ещё она поняла, что ничего не хочет менять, что её в принципе всё устраивает.

Ромка замечательный муж: вкалывает, обеспечивает, не обижает. Наверняка станет неплохим отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.